

Robin Sloan

SOURDOUGH

Робин Слоун

ЗАКВАСКА

**LIVE
BOOK**

Москва

2019

УДК 82-31
ББК 84(7)
С 48

SOURDOUGH
by Robin Sloan

Оформление обложки Юлии Маноцковой

Слоун, Робин

С 48 Закваска / Пер. с англ. М. Малинской. — Москва: Livebook, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-907056-17-6

В новой книге Робина Слоуна прогресс тесно переплетается с древнейшим искусством выпечки хлеба, инженеры-программисты изучают мазгские предания, а козы героически спасают остров возле Сан-Франциско.

Лойс Клэри живет в Сан-Франциско и программирует роботов. Порой работы бывает так много, что сил хватает только на заказ еды по телефону. Один звонок в ресторан неизвестной мазгской кухни дарит Лойс не только новых друзей, но и их культуру — необычную закваску для хлеба.

Устав от рутинных будней Лойс с головой бросается в изучение хлебопекарных процессов. Она еще не знает, что загадочный мир высокой кухни и новейших технологий станет для нее не просто хобби, а окном в новое будущее. Будущее с секретными фермерскими рынками, тайнами науки и удивительными возможностями.

УДК 82-31
ББК 84(7)

Copyright © 2017 by Robin Sloan
© Маша Малинская, перевод
на русский язык, 2018

© Livebook Publishing, оформление, 2018

ISBN 978-5-907056-17-6

ЕДОК НОМЕР ОДИН

Я собиралась, как обычно, поужинать питательным гелем, но обнаружила у себя на двери рекламный проспект — предлагали доставку еды из нового ресторана неподалеку.

Я только пришла с работы, и от стресса лицо у меня слегка подергивалось — такое со мной бывало, — и обычно в таком состоянии мне ничего нового не хотелось, тем более что меня ждала ежевечерняя порция Суспензии.

Но рекламка заинтриговала меня. Меню было напечатано темными внушительными буквами: каждое блюдо описывалось вначале по-английски, а затем еще раз — на незнакомом мне языке, буквами, похожими на кириллические, с множеством точек и завитков. Меню было короткое: предлагалось заказать острый суп, острый сэндвич или комбо (двойной острый), причем все без мяса.

Вверху пугающе огромным шрифтом было напечатано название ресторана — «Суп и Закваска на Клемент-стрит», внизу — номер и обещание быстрой доставки. Клемент-стрит была всего в паре кварталов от моего дома. Меню очаровало меня, и в результате тот вечер и вся моя жизнь круто изменили курс.

Я набрала номер, трубку взяли сразу же. Слегка запыхавшийся мужской голос произнес:

— Суп и Закваска на Клемент-стрит, подождете минутку?

Я согласилась, и в трубке заиграла песня на непонятном языке. Клемент-стрит была многоязычной артерией, она пульсировала китайским, бирманским, русским, тайским, а иногда даже шотландским. Но песня была на каком-то другом языке.

В трубке снова заговорили:

— Алло, здравствуйте! Что вы хотели бы заказать?

Я заказала комбо.

Я приехала в Сан-Франциско из Мичигана. В Мичигане я выросла и училась, там мое существование было в основном безмятежным и предсказуемым.

Папа работал в «Дженерал Моторс» администратором баз данных. Он любил свою работу и с самого детства окружал меня компьютерами.

ми. Его план сработал: я всегда хотела пойти по его стопам и даже не думала ни о чем другом, особенно с учетом того, что программирование стремительно развивалось и факультеты компьютерных наук изо всех сил заманивали к себе девушек. Приятно, когда тебя хотят.

И к тому же у меня хорошо получалось. Меня пленял ритм этой работы, я любила решать сложные задачи. Два лета подряд я была стажером в «Кроули Контрол Системс» — саут-филдской компании, которая делает софт для управления двигателями электромобилей «Шевроле». Когда я закончила университет, они ждали меня с распростертыми объятиями.

Все было четко расписано и идеально выверено; у меня было ощущение, что я кладу кирпичи — ряд за рядом, аккуратно, потому что переложить заново не получится. Компьютер у меня был старый, до меня им пользовались как минимум два человека, но база исходных текстов — интересная и современная. На столе возле компьютера я поставила фото родителей, а рядом — крошечный кактус (я назвала его Кубрик). Я купила дом в городке неподалеку, Ферндейле.

А потом меня пригласили на эту работу. Со мной связались через мой куцый профиль в линкедине — мне написала женщина, младший кадровый специалист в «Дженерал Декстерити» в Сан-Франциско, как было указано

на ее странице, и спросила, можно ли мне позвонить. Я согласилась. Я прямо по телефону слышала, как она ослепительно улыбается. Она сообщила, что «Дженерал Декстерити» производит роботов премиум-класса для лабораторий и заводов. Им были нужны программисты со специализацией в управлении двигателями, а в Сан-Франциско таких трудно найти. Автоматический фильтр просканировал мое резюме и обозначил его как «многообещающее», а она согласилась с этой оценкой.

Я вот что думаю: все мое поколение — дети Хогвартса, и больше всего на свете мы хотим, чтобы нас распределили.

Я сидела в машине на крохотной парковке «Кроули Контрол Системс» на Десятой Вест Майл-Роуд в Саутфилде. Мой мир треснул. Трещина была крошечная, с волосок толщиной, и все же этого хватило, чтобы впустить ко мне свет.

На другом конце провода кадровый специалист сулила мне сложные задачи, посильные только самым светлым умам. Она сулила щедрые вознаграждения и бесплатную еду — кстати, я ведь вегетарианка? Вегетарианка, и она каким-то образом об этом знала. Она сулила мне солнце. Небо над парковкой «Кроули» было серым и изношенным, как днище автомобиля.

И — кроме шуток — кадровый специалист сделала мне оффер. Денег было больше, чем за-

рабатывали мои родители вдвоем. Я только выпустилась, и вот меня опять хотят.

Я продала дом в Ферндейле, выплатив всего десять месяцев скромной мичиганской ипотеки, практически без потерь. Я даже на стены не успела ничего повесить. Прощаясь с родителями, я плакала. Колледж был меньше чем в часе езды, так что я впервые по-настоящему уезжала. Все мои вещи были свалены на заднем сиденье, а рядом, на пассажирском, ехал, пристегнутый ремнем безопасности, мой настольный кактус.

Я двигалась на запад — проехала по узкому шоссе сквозь Скалистые горы, миновала пустую пыльную Неваду и ворвалась в зеленые вертикали Калифорнии. Я сторала от нетерпения. Юго-Восточный Мичиган совершенно плоский, чуть ли не вогнутый, а здесь я наконец вступаю в трехмерное пространство.

В Сан-Франциско меня ждали съемная квартира и кадровый специалист. Она поджидала меня на тротуаре возле кирпичного офиса «Дженерал Декстерити» — миниатюрная, ростом от силы футов пять, но рукопожатие у нее было крепче некуда. «Тебе тут понравится!»

Первая неделя прошла отлично. Вместе с дюжиной других свеженьких декстров (так нам предлагалось называть себя) я заполняла анкеты для страховки, скупала акции по льготным ценам и прослушивала экскурсии в историю

компании. Мне показали первый прототип механической руки, мощной, с тремя узлами-шарнирами, ростом почти с меня, — она покоилась в нише прямо посреди столовой. Можно было крикнуть: «Рука, новая команда! Приветствие!» — и она принималась дружелюбно махать тебе.

Я разобралась в устройстве софта под названием «АрмОС», с которым мне предстояло работать, и познакомилась со своим менеджером Питером — он пожал мне руку даже крепче, чем кадровый специалист. Корпоративный риэлтор нашла мне квартиру на Кабрильо-стрит в Ричмонде; плата оказалась в четыре раза выше, чем ипотечный платеж в Мичигане. Она сунула ключи мне в руку и буркнула: «Места там немного, но ты все равно редко будешь там появляться».

Основатель «Дженерал Декстерити», на удивление молодой мужчина по имени Андрей, провел нашу группу по Таунсенд-стрит до Центра освоения задач (ЦОЗа), приземистого здания, в котором раньше располагалась крытая парковка. На бетонном полу все еще виднелись масляные пятна. Теперь вместо машин здесь по тридцать штук в ряд стояли механические руки разных моделей, некоторые по одной, другие парами — правая и левая рядышком. Все они были в пластиковой оболочке корпоративного голубого цвета, с приятными очертаниями и легким намеком на бицепсы.

Все руки шевелились одновременно — сгибались, хватали воздух, толкались и тянулись куда-то. Это должно было впечатлеть нас: руки работают!

Андрей объяснил нам, что сейчас все эти движения управляются человеческим мозгом и осуществляются за счет человеческих мускулов. Повторение — враг творчества, сказал он. Повторение — удел роботов.

Мы должны были закончить работу.

А работы была хренова туча.

Мой недельный инструктаж закончился в пятницу вечером — мы выпили пива и сразились в пинг-понг с механическими руками (они, естественно, победили). А затем началась работа. Не в понедельник, а прямо на следующее утро — в субботу.

Меня как будто засосало — хлоп! — в трубу пневмопочты.

Программисты в «Дженерал Декстерити» были совсем не похожи на моих коллег в «Кроули» — расслабленных мужчин средних лет, которые больше всего на свете любили что-нибудь терпеливо разъяснить. Декстры были какие уютно, только не терпеливые. Многих выперли из колледжа: в школьные годы они очень спешили попасть сюда, а теперь хотели поскорее все доделать и разбогатеть. Они были все как один костлявые трезво мыслящие молодые люди, призраки

в японских джинсах и кроссовках из лимитированной серии. Приходили на работу поздним утром, уходили после полуночи или даже спали в офисе.

Это было отвратительно, но я и сама несколько раз не устояла перед мягкими диванами корпоративных цветов. Иногда ночью я лежала на диване, пялилась в потолок — обнаженные трубы, радужные переплетения проводов, перегоняющих данные по всему офису, — и чувствовала где-то в животе узел, который мне было не развязать. Мне было нужно по-большому, я шла в туалет, садилась и сидела там, ничего не делая. Датчик движения вырубался, выключался свет. Иногда я сидела так довольно долго, пока у меня в голове не возникал кусок кода, и тогда я плелась обратно на свое место, чтобы набрать его.

Когда я работала в «Кроули Контрол Системс» в Саутфилде, Кларк Кроули делал неторопливый обход раз в месяц, и его посыл был таков: «Отличная работа, ребята, продолжайте в том же духе!» В «Дженерал Декстерити» в Сан-Франциско каждый вторник и четверг в бизнес-сводках мы получали сообщение от Андрея: «Мы намерены изменить условия человеческого труда, так что выкладываемся по максимуму».

Я уже начала задумываться, умею ли я выкладываться по максимуму. У всех моих коллег в Мичигане были семьи и хобби, к которым они относились очень серьезно. У здешних

призраков не было ничего лишнего: это были человекообразные генераторы САПР и кода. Я попыталась было соперничать с ними, но меня заклинило. Мой внутренний движок не запускался.

В следующие месяцы я физически ощущала, как внутри меня убывает жизненно важный ресурс, но пыталась не обращать на это внимания. В конце концов, мои коллеги впахивают по три года без отпуска, а я сдулась спустя всего одно лето в Сан-Франциско? Я же вроде как новый член команды, свежая кровь.

Но моя кровь не была свежей. У меня истончились и поблекли волосы и болел живот.

В квартире на Кабрильо-стрит я существовала в основном в состоянии ступора: мозг не работал, воздуха не хватало. Родители были где-то далеко, я их видела только в окне видеочата. Друзей в Сан-Франциско у меня не было, за исключением пары декстеров, таких же измученных, как и я сама. Квартира была маленькая и темная, жутко дорогая, а Интернет медленный.

Двенадцать минут спустя после моего звонка приехал заказ из «Супа и Закваски на Клемент-стрит». Его привез симпатичный молодой парень, чье лицо наполовину скрывал мотоциклетный шлем цвета кетчупа. Из-под шлема

доносились еле слышное «тынц-тынц-тынц», парень дергал головой в такт.

— Привет, друг, — пророкотал он с сильным трудно опознаваемым акцентом.

Величайшие из нас — те, кто может назвать другом совершенно незнакомого человека, причем так, чтобы это прозвучало не как пустой звук, а тепло и искренне. Так, чтобы ты им поверила.

Я выудила из кармана наличку и, расплачиваясь, спросила:

— А что это вообще за еда?

Его лицо засияло, как неоновая вывеска. «Это мазгская еда! Надеюсь, тебе понравится, а если вдруг нет, ты звони, мой брат в следующий раз приготовит вкуснее». Он зашагал к мотоциклу, но на полпути повернулся и сказал: «Но тебе понравится». И повторил, перекрикивая рев мотора: «Тебе понравится!»

У себя в квартире, на совершенно голом кухонном столе, лишенном всяких следов готовки и человеческого присутствия вообще, я развернула сэндвич, открыла суп и поглотила первый двойной острый в своей жизни.

Если целебные свойства супа фо, который восстанавливает силы и лечит, делают из обычной куриной лапши помои (а так оно и есть), то этот острый суп удивил, как если бы я собиралась попробовать помои, а они оказались

отличной куриной лапшой. Это была амброзия. Сэндвич оказался еще острее — тонко нарезанные овощи, огненно-красный соус — настоящий пожар между двумя виртуозно приготовленными тостами.

Вначале развязался узел у меня в животе, а затем и мозг вышел из ступора. Выдыхая, я нечаянно громко рыгнула и от неожиданности рассмеялась вслух, в одиночестве сидя на своей кухне.

Я приподняла одинокий магнит на холодильнике, уронив на пол глянцевый лист со скидочными купонами на пиццу и благоговейно прикрепила на его место меню «Супа и Закваски».

На следующий день я снова позвонила на Климент-стрит, а потом еще раз. Дальше я пропустила один день, чтобы не впасть в зависимость, но на следующий день снова сделала заказ. Несмотря на то что еда была жутко острая, именно ее жаждал мой травмированный желудок.

В течение следующего месяца я постепенно узнала о ресторане следующее:

— Его держали два брата.

— Беорег (приятный голос, идеальный английский) готовил и отвечал на звонки.

— Чайман (приятное лицо, наушники, из которых вечно сочится бодрый бит) развозил еду на мотоцикле.

— Когда я пыталась надавить на Чаймана и разузнать побольше о «мазгской кухне», он только смеялся и повторял: «Ее же все знают!»

— Беорег и Чайман готовили свои острые супы и сэндвичи в Сан-Франциско всего год.

— У них не было помещения для ресторана: они готовили прямо у себя в квартире, местоположения которой не раскрывали.

— Чайман сказал: «Да все в порядке. Мы просто не регистрировались. Но все в порядке».

— К комбо (двойной острый) всегда давали дополнительный кусок хлеба, чтобы макать в суп.

— Хлеб этот был главным секретом их предприятия. Беорег сам его ежедневно пек.

— И хлеб этот был просто божественный.

Каждый вечер я звонила им, а потом ждала, пока Беорег освободится и сможет принять мой заказ. Он узнавал меня и говорил не просто «Подождете минуту?», а «Привет, Лоис! Прости, подождешь? Одну секунду, я быстро», потом звучала музыка на непонятном языке — грустная, но приятная, — которая уже начала мне нравиться, а потом голос Беорега вызволял меня из чистилища, и я наконец делала заказ — всегда один и тот же. Когда Чайман приезжал ко мне на своем мотоцикле, я тепло здоровалась с ним, оставляла щедрые чаевые, а потом несла еду к себе, чтобы съесть ее, не садясь, медленно,

с благодарностью (глаза мои слезились от острого соуса и счастья).

Однажды в пятницу после особенно выматывающего рабочего дня, когда все мои код ревью вернулись обратно, испещренные красным и с кучей злобных комментариев, а мой менеджер Питер робко поинтересовался моей скоростью рефакторинга («быть может, недостаточной»), я вернулась домой, полная тревоги о будущем, а раздражение и самобичевание боролись в моей душе за право испортить мне вечер. Я позвонила Беорегу и с тяжелым вздохом заказала себе ужин. Его брат появился у моих дверей и привез с собой кое-что новое — сверток поменьше, чем обычно, а внутри — огненно-красная похлебка и целых два куска хлеба. «Секретное комбо», — прошептал он. Суп оказался настолько острым, что просто вышиб из меня тоску, и я отправилась спать совершенно чистой и свежей, как тарелка, которую ошпарили кипятком и хорошенько отскоблили.

Будет ли преувеличением сказать, что «Суп и Закваска на Клемент-стрит» спасли меня? Ночами, вместо того чтобы снова и снова пережевывать свои промахи и прислушиваться к урчанию и бурлению в животе, я просто-напросто спала. Постепенно мой курс выровнялся. Я взяла балласт в виде острого супа

и ароматного хлеба и, может быть, парочки новых друзей, ну или как бы друзей, не знаю.

А потом они уехали.

Однажды в сентябре в среду я набрала номер, и Беорег сказал: «Подождете минуту?» — как будто не узнал меня. А потом он оставил меня наедине с грустной-но-приятной музыкой очень надолго, и я уже заподозрила, что он забыл обо мне. Но он вернулся, вежливо принял мой заказ и сказал, что брат скоро его доставит. «Пока», — шепнул он перед тем, как повесить трубку. Раньше он никогда не прощался.

Чайман постучал в дверь. Его симпатичное лицо выражало уныние, наушников не было, и вечер сразу показался гнетуще тихим.

— Здравствуй, друг, — тихо сказал он. Пакет с моим комбо безвольно свисал у него из рук.

Я прижала пакет к груди обеими руками, ощутила тепло супа.

— Что случилось?

— Мы уезжаем, — сказал он. — Ну, знаешь, визовые дела...

Это было неприемлемо.

— Мы не можем остаться. Я бы попытался, но Беорег говорит... Он не хочет всю жизнь прятаться. Хочет открыть настоящий ресторан, со столиками.

Чайман закатил глаза, словно само это желание — обслуживать посетителей в специальном

ЕДОК НОМЕР ОДИН

помещении — было сумасбродством в духе Версаля.

— Мы будем скучать по тебе, — сказал он. — И я, и Беорег.

Пакет сморщился у меня в руках, да и в глазах защипало. Мне хотелось взвыть: «Не бросайте меня! Что же я теперь буду есть? Кому я буду звонить?» Но я выдавила из себя только: «Очень жалко, что вы уезжаете».

Он кивнул. Я тоже кивнула. Стоял август, и было очень холодно. Он сказал:

— Я должен тебе рассказать. У нас с Беорегом есть присказка. Когда он дает мне твой заказ — Чайман ткнул пальцем в пакет, который я держала в руках, — и говорит: «Это для Лоис, на Кабрильо-стрит», мы потом всегда хором добавляем: «Для едока номер один!»

Я не поняла, что это значит, но раньше мне никогда не доводилось быть номером один.

— Мы это от души. Потому что ты нам нравишься. Понимаешь?

Я понимала.

Уже оседлав мотоцикл, Чайман многозначительно поднял вверх указательный палец. Поверх шума мотора он крикнул мне: «Едок номер один!»

СТОЛ ЛЮБИТЕЛЕЙ СУСПЕНЗИИ

Моя работа выглядела так: я по двенадцать часов в день просиживала в подвале перестроенной макаронной фабрики неподалеку от стадиона, где играют «Джайентс». Компьютер у меня был громоздкий, в нем все время громко жужжал вентилятор, охлаждающий мощные графические процессоры. На моем столе стояла пара мониторов, лежала клавиатура и планшет со стилусом. Мышки не было. Трюк с планшетом мне посоветовал один из доброжелательных коллег-программистов в «Кроули» как средство борьбы с туннельным синдромом. Призраки в «Дженерал Декстерити» относились к нему скептически. Они и представить не могли, что их тела могут их подвести.

«АрмОС» состоит из двух частей. Контроль — это код, диктующий, как должна двигаться рука. Контроль считывает сверхточные данные и сокращает механические мускулы. Код

довольно компактный и постоянно оптимизируется: любое улучшение Контроля — более быстрое считывание данных, более сильный захват — распространяется на любые действия рук.

Вторая часть — Таск, код, диктующий цель движения, восхитительная смесь эвристики и хакинга. Если контроль занимается лишь одним — движением в пространстве, — то Таск охватывает тысячи задач.

Модуль под названием Сборка отвечает за баланс, чувство веса и работу со слоями материала. По соседству с ним располагается модуль Стекло — шпаргалка с кодом, где хранятся размеры десяти тысяч самых популярных в научном мире склянок и пробирок.

Помимо Таска и Контроля есть еще Интерфейс — модуль, позволяющий пользователям контролировать руки и обновлять их по вайфаю с помощью веб-приложения (все жалели ребят из Интерфейса: у них была чересчур простая работа).

Питера, моего менеджера, недавно повысили, теперь он возглавляет отдел Контроля. Я работала в блоке, отвечающем за проприоцепцию. По-моему, это очень красивое слово — про-прио-цеп-ци-я! — как, собственно, и процесс, позволяющий организму оценивать свое положение или положение его частей в пространстве. Это

необходимое умение, оно куда важнее любого из пяти чувств. Когда человек движется, он смотрит вперед, а не вниз, на свои ноги, потому что точно знает — они находятся там, где положено, и делают то, что нужно. И это круто!

Неожиданным следствием этой работы стало то, что я регулярно зависала, размахивая руками в воздухе, и пялилась на собственные запястья, пытаюсь понять, что и как в этот момент происходит. Я закрывала глаза, вытягивала руку, медленно поднимала ее и одновременно поворачивала. Что я чувствовала? Тяжесть своей руки, а еще... к ней примешивалось еще какое-то странное ощущение. Не прикосновение. Нечто другое. Проприоцепция!

Я частенько занималась этим — не только в исследовательских, но и в терапевтических целях, и вот однажды, открыв глаза, я увидела Питера: он стоял рядом и молча наблюдал за мной. Я взвизгнула.

Я наконец сходила в штатную клинику «Дженерал Декстерити» и там, между кабинетами стоматолога и массажистки, врач сообщил, что причина моей постоянной боли в желудке — стресс. Медсестра вынула из толстой стопки буклет. На обложке корпоративным голубым цветом было напечатано: «Меняя мир, не забывай и о себе».

Это Питер посоветовал мне перейти на жидкую пищу, которую предпочитали многие программисты, в том числе он сам. Она легче усваивалась, это было важно в условиях постоянного стресса.

— Попробуй Суспензию, — сказал он. — Отличная вещь.

Суспензия оказалась питательным гелем, который производила одноименная компания. Ее офис был всего в паре кварталов от нашего. Суспензия, по консистенции как густой молочный коктейль, была расфасована в блестящие зеленые тетрапаки. Она содержала все необходимые вещества, была богата пробиотиками, и от нее веяло безысходностью антиутопий.

Я оплатила пробный месяц, воспользовавшись скидочным купоном от Питера. Мне привезли Суспензию прямо в офис. Когда я пришла на склад забрать заказ, там обнаружился гигантский зеленый тетрапаковый зиккурат, сложенный на паллете. Я была не одинока. Суспензия оказалась на вкус как обожженный миндаль и действительно усваивалась легче, чем еда из столовой. Кроме того, она спасла меня от бесконечных метаний между салатом и пазльей.

Был и еще один бонус: социализация. Теперь в обеденное время я сидела в том углу столовой, где значительная часть моих коллег-декстров

собиралась и потягивала серый питательный гель. Группа людей за моим столом стала моим первым шатким мостиком в мир рабочей дружбы. Питер был нашим вождем. Как выяснилось, Суспензия спонсировала его: ему продавали самую дорогую подписку за бесплатно, пока ему удавалось удерживаться в пятерке лучших из своей возрастной группы в разных спортивных соревнованиях (десятикилометровые забеги, триатлон, метание бревна), где он всегда появлялся в зеленой форме с эмблемой Суспензии. Он был подписан на самый новый, ультрасовременный состав и пил его три раза в день семь дней в неделю, несмотря на периодически проявляющиеся побочные эффекты.

Остальные в нашей группе пили Суспензию пару-тройку раз в неделю, а в другие дни юркали в столовскую очередь, чтобы под скорбным взглядом Кейт, шеф-повара, выбрать лучший кусок жареной курицы.

Кроме Питера, к нашей группе принадлежали Гарретт, бледный, вечно напряженный программист, который занимался интернационализацией; Беджамин из безопасности — его обязанностью было обеспечивать защиту от хакинга механических рук; Антон, ассистент отдела продаж, неизменно с полудохлой блютуз-гарнитурой в ухе; и Арджун, бойкий дизайнер интерфейсов, тоже родом из Мичигана, —

именно он был первым из декстров, кого я отважилась назвать своим другом. Помимо встреч за Суспензией мы с Арджуном иногда после работы, в десять вечера, захаживали в бар чуть подалее по Таунсенд-стрит — выпить пива с картошкой фри. Питер этого не одобрял.

Во время одной из пауз за нашим столом (а пауз было много: мы были те еще задроты) я рассказала товарищам по потреблению Суспензии грустную новость о «Супе и Закваске на Клемент-стрит».

— Я не ем хлеба, — быстро сказал Питер.

— У тебя же от этой еды живот болел? — сказал Гарретт.

Но это было не так.

— Суп был очень острый, но какой-то... сбалансированный. И мне очень нравились ребята, которые там работают.

У меня свело челюсти, и я поняла, что выказала слишком много эмоций для этой компании.

— Так что теперь на ужин опять Суспензия, — сказала я и звучно отхлебнула из пакета.

В тот день я не могла заниматься ни проприоцепцией, ни «АрМОС», так что отправилась в ЦОЗ. Там на верстаках стояло множество рук в разных позах: одна держала несколько

пробирок, как в лаборатории; другая — разобранный на части телефон, как на заводе; третья — открытую картонную коробку, как на складе, и т.д. и т.п. В руках были дрели, пылесосы, кое-где стояли просто голые многозвенные кисти. Тренировочный ярус щелкал, жужжал, повизгивал и хлопал, а надо всем этим периодически кто-то чертыхался.

Возле каждого верстака стоял инструктор, который сгибал и разгибал руку, демонстрируя последовательность действий: поднять и потрясти пробирку, взять и вставить в нужное место деталь телефона, закрыть и заклеить коробку (этим занимались сразу две руки под поскрипывание скотча).

Инструкторам хорошо платили, но у них был лишь временный контракт. Каждый лабораторный техник, рабочий фабрики или специалист по логистике должен был обучить одну руку безукоризненной последовательности действий в разных ситуациях, в том числе неблагоприятных. Когда рука обучалась правильному алгоритму, ее включали в «АрМОС», и в этот момент все руки в мире, произведенные «Дженерал Декстерити», научались выполнять эту задачу.

Не все инструкторы находились в этом здании. Помимо встроенных умений «АрМОС», можно было докупить дополнительные функции —

некоторые гораздо более специфические, чем мы могли вообразить. Как засеивать чашку Петри конкретной бактерией? Как вставить в реактор топливный стержень? Как сшить футбольный мяч? Над некоторыми из этих задач работали целые группы исследователей. У ребят с ядерным реактором было всего трое клиентов, но очень богатых.

Я помедлила, наблюдая за руками. Я видела в их движениях результаты своей работы. При повороте сразу в двух измерениях их движения стали мягче, чем были несколько месяцев назад. Ради этого я провела кучу времени, плясь в таблицы результатов ПКД-2891.

Одна рука под руководством плотного бородатого тренера оказалась один на один с муляжом кухонного стола, на котором стоял только миксер и упаковка яиц. Бедняга! Мне стало ее жаль.

Рука достала из упаковки яйцо, поднесла его к миске, слегка ударила о бортик. В первый раз совсем слабо, во второй — посильнее, но все равно недостаточно, в третий раз — гораздо сильнее, чем надо. Скорлупа разлетелась, желток оранжевыми лентами заструился между пальцев, а затем по стенкам миски и по столу.

Я порадовалась, что работаю не в Отделе Силы. Даже спустя столько лет работы «АрМОС» все еще не умел вычислять нужный уровень

силы для простых действий. Мы научились всему, чему только можно, а яйца разбивать не научились.

В тот день я вышла с работы раньше, чем обычно: на улице еще светило солнце. Я предварительно проделала кое-какие офисные трюки: оставила компьютер включенным, словно в разгар работы, художественно разложила на спинке кресла свою кофту, чтобы все видели, что я не ушла — ни в коем случае, — а просто вышла на встречу или поплакать в ванной. Обычное дело.

На самом деле я поехала домой. В груди будто узел завязался, и вначале я подумала, что это, возможно, проблемы с сердцем, но пока добралась до парковки на Кабрильо-стрит, поняла, что мне просто грустно.

ЗАКВАСКА С КЛЕМЕНТ-СТРИТ

Я оплакивала свою утрату, потягивая Суспензию, и подгружая какой-то мрачный сериал со своим тормозным Интернетом, когда кто-то постучал в дверь — легко и уверенно. Этот стук был мне знаком.

Это был Чайман, впервые без шлема. У него оказались светлые песочные волосы.

— Едок номер один! — крикнул он.

Позади него на ступеньках стоял еще один мужчина, тоже с приятным лицом и песочными волосами, но более смуглый и покрупнее.

Чайман обернулся к нему.

— Беорег, не стесняйся. Иди сюда.

Этот голос по телефону! Беорег, повар, мастер комбо, создатель моего уюта. Я чуть ему не поклонилась.

— Мы сейчас уезжаем, — сказал Чайман. За ними было припарковано шоколадного цвета такси. — Но Бео придумал сделать тебе подарок.